

МЫ БЫЛИ ТАК МОЛОДЫ...

1. ДАЛЕКИЕ ДОВОЕННЫЕ ГОДЫ Я окончил институт. Отдых в деревне

В июле 1936 года я окончил исторический факультет БГПИ им. К.А.Тимирязева в городе Уфе. Мне тогда было всего 21 год. Помню до сих пор наш выпускной вечер в большом зале института. В числе успешно окончивших вуз было названо и мое имя. Директор института всех нас поздравил с окончанием высшего учебного заведения и пожелал успехов на педагогическом поприще. Мне подарили собрание сочинений В.И.Ленина, кажется, это было III издание. Все это я потом отдал библиотеке института. Премировали меня также двойной путевкой в Уфимский дом отдыха им.Лутовинова, где я весь июль, в течение 24-х дней, отдыхал.

Я сшил себе коверкотовый костюм. Может, это первый раз в жизни надел такой костюм. В конце июля я поехал домой в Сумарово, в Альшеевский район. Родители очень обрадовались, что их старший сын окончил институт, вернулся с дипломом. Это было большое событие в жизни нашего маленького башкирского села. Потому что я, наверное, первый в деревне, кто окончил институт, получил высшее образование.

Правда, в то время уже учился в комвузе наш Хасан-агай Нугуманов, где-то в Средней Азии в институте учился сын Хайбуллы-бабая Нугуманова Лутфрахман, а также подготовительные курсы при БГПИ в Уфе окончил Губайдулла Гайсин (возможно, носил фамилию Гайфуллин). Они не смогли вернуться домой, погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

Конечно, после войны, уже в 50-х годах, многие из моих односельчан стали учиться в техникумах и институтах. В конце 50-х годов появились первые инженеры из Сумарово, окончившие Уфимский нефтяной институт.

Вот эти строки я пишу спустя 36 лет после окончания института. Сейчас июнь 1972 года. Я преподаю историю в 14-й средней школе г.Октябрьского.

В нашей семье окончили институты и университеты целых 5 человек: это мои братья Рифгат, Рашит, Урал и сестра Марьям, а техникумы окончили мои братья Зайнулла и Мидхат и среднюю школу окончила наша сестра Рашида.

Имеют высшее инженерное образование мои двоюродные братья, сыновья Султан-агая Нугуманова Рафик и Газиз. Стали инженерами-нефтяниками сын Хасан-агая Нугуманова Раян, сын Хуснетдин-агая Гадельшина Амир, а его брат Курыш имеет среднее техническое образование. Получили высшее образование сыновья Хайбуллы-бабая Нугуманова Акрам и Асхат. Они живут в Средней Азии. В 1968 году я с Акрамом встретился в Самарканде, а Асхат живет в Ташкенте. Сын Усман-бабая Гадельшина Арслан окончил техникум и военное училище.

Родной брат моей матери Мухамет Смаков окончил в Москве Бронетанковую академию и живет сейчас в Минске со своей семьей.

Сын сестры моего отца Салиха-апай — Тимур (Тимерказык) Бахтигареев тоже стал инженером-нефтяником. Он рано ушел из жизни. 10 лет тому назад, в 1962 году, в Октябрьском он умер на операционном столе.

Вот пишу эти строки и думаю: надо бы написать такую книжку, озаглавив ее «Выпускники вузов и техникумов деревни Сумарово». Может, со временем кто-то это и сделает. Но для этого нужно время и большое желание. Надо собирать материал и связаться со всеми. А вообще следовало бы написать историю села Сумарово. Кто же это напишет?

Итак, шел август 1936 года. Я, окончив институт, вернулся в отпуск в свое родное село Сумарово. Люди в колхозе жили уже в достатке, всего вроде хватало. Мой отец Закир (Ахметзакир) и мать Масрура жили не хуже других. Все у них было, дети росли здоровыми и жизнерадостными. Брату Зайнулле шел 18 год, Мидхату — 11 лет, Рифгату — 9, сестре Марьям — 8, а Уралу — всего 3 года. Были у меня еще две сестры: Гайша и Амина, но они умерли еще маленькими. Брата Рашита и сестры Рашиды еще не было на свете.

Были в живых наши дорогие аксакалы-дедушки Саит-бабай, Хайрулла-бабай, Басыр-картатай, Хаким-бабай, Усман-бабай, а также Газикай-бабай и Бану-эбей, Султан-агай и Тайфа-енгэй, Мирсаит-агай и многие другие. Были еще молодыми Газиз-агай и Мархаба-апай, Харрас-агай, Магадей-агай.

В расцвете сил и энергии был Хажиахмет-агай, он являлся бригадиром в колхозе, организатором всех дел. Это ему принадлежали слова: «День — для колхоза, а ночь — наша». Сколько бы он ночью ни гулял, а рано утром был уже на ногах и ходил по домам, всех гнал на работу.

Колхоз наш со дня организации с 1930 года назывался «Чатка» («Саткы»), в переводе на русский язык означает «Искра». Председателем его в те годы был Лукман-агай Гадельшин.

Деревня наша официально называлась Ново-Абдрахманово. После войны, в 1951 году, в период укрупнения наш колхоз слили с «Красным Октябрем» украинского села Константино-Александровка (Тавричановка), где председателем стал мой брат Зайнулла Шакуров. Уже потом, в конце 50-х годов, колхоз наш расформируют и передадут в Альшеевский зерносовхоз, переименованный впоследствии в Первомайский совхоз Стерлитамакского района. Наши Сумарово и Константино-Александровка вместе с поселком МТФ объединят в Октябрьское отделение совхоза.

Еще раз возвращаюсь к августу 1936 года. Целый месяц я отдыхал дома. Почти каждый вечер у кого-нибудь сидели, очень часто — у Хажиахмет-агая и Фатима-енгэй. Запомнилась мне поездка с матерью на тарантасе в деревню Кызыл-Уршак через Константино-Александровку. Помню, я был в своем новом коверкотовом костюме. Из Кызыл-Уршака мы поехали в село Мурадымово к зятю Ахияру и Салиха-апай, а потом — в деревню Валитово к бабушке Уркия.

Работа в Уфе и Благовещенске

Быстро пролетело время в деревне. Оно осталось в памяти как безоблачное небо. Удивительное дело: никаких конфликтов, противоречий, споров, ругани или каких-либо неприятностей. Никакой зависти или косога взгляда односельчан.

В начале сентября 1936 года я вернулся в Уфу. Нас, группу выпускников-историков, оставили работать в Ленинской комиссии при обкоме партии по переводу первоисточников на башкирский язык.

Руководили этой комиссией секретарь обкома партии Хасанов и товарищ Азнабаев. Он был в свое время редактором газеты «Башкортостан». Со мной вместе в этой комиссии были Вахитов Гафур, Нургалеев Муслим, Ханов Чингиз, Сабашев Равиль.

Я одновременно стал работать в аппарате ЦИК БАСССР, председателем которого в тот период был Афзал Тагиров, известный башкирский писатель. У меня должность была вроде референта по переводу постановлений правительства с русского на башкирский язык.

Вел также в это время преподавательскую работу в Уфимском медрабфаке, где директором был Кучумов. Это был очень обходительный и вежливый человек. Физику, кажется, преподавал Газизов из БГПИ.

Запомнилось мое одно выступление с лекцией в мединституте перед студентами о работе В.И.Ленина «Марксизм и восстание». Лекция прошла успешно, слушали внимательно и буквально засыпали вопросами. Домой в портфеле понес целую кучу письменных вопросов.

Жил я по улице К.Маркса, 20 в отдельной комнате. Никакой обстановки, конечно, у меня не было. Помню, с большим трудом купил в магазине, где-то в Гостином ряду, пружинную койку. Здесь находилось в годы учебы в институте наше студенческое общежитие.

Моя жизнь и работа в Уфе продолжалась всего полгода, до января 1937 года. Из Ленинской комиссии я решил уйти, переводческая работа меня не тянула. Кажется, по этой линии пошел лишь один наш Равиль Сабашев, который долгие годы работал в Башгосиздате.

Работать переводчиком-референтом в аппарате ЦИК БАСССР я тоже не захотел. Оставался медрабфак и преподавательская работа. Но почему я оттуда ушел, сейчас уже и сам не помню.

В общем, в январе 1937 года в Наркомпросе БАСССР взял направление в Благовещенскую среднюю школу №1 и выехал туда. Повез меня на лошади, на санях сам директор школы. Там историю до меня преподавал Бортников.

В Благовещенске я проработал всего полгода. Вел историю в 8—10-х классах. Был замечательный педагог Григорий Иванович Кутеминский. Он вел математику, был также завучем.

Перед школой располагался пруд. На пруду был сделан каток, куда я иногда ходил кататься на коньках. Бывало, ходил в районный Дом культуры и проводил там вечера. Жил я сначала у бездетных пожилых людей, недалеко от РДК в угловом доме. Потом — у другой хозяйки по улице Коммунистическая, 39. У нее была больная дочь, а сын обосновался в Москве. Жил я у них до конца мая, до отъезда из Благовещенска. У них остался мой чемодан с книгами. Вот прошло 35 лет с того времени, я за ним так и не поехал.

Когда жил на первой квартире, приезжал навестить мой товарищ из Уфы Александр Демидов, ставший впоследствии летчиком. Жив ли он сейчас, не знаю.

Запомнил я апрель 1937 года в Благовещенске, когда ходили смотреть разлившуюся Белую в половодье.

Поездка в Москву и Среднюю Азию

В конце мая 1937 года, по окончании учебного года, рассчитавшись, выехал из Благовещенска. В Уфе сразу сел на поезд и поехал в Москву. Это была первая в моей жизни поездка в Москву. В столице я провел дней десять. Несколько

дней ночевал у Ахнафа Харисова, который тогда учился в аспирантуре. Жил он в центре города, недалеко от Театральной площади.

Ахнаф Ибрагимович Харисов — ныне доктор филологических наук, известный и уважаемый человек в нашей республике. Я как-то лет 10 тому назад навестил его в Уфе, был у него на квартире по улице Октябрьской революции. Это примерно в 1962 году.

В то время в Москве в аспирантуре учился Абубакир Нурианович Усманов, наш известный историк, кандидат исторических наук, автор ряда интересных книг, как, например, «Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года».

Так вот, однажды поехал искать его, где он жил, было уже поздно, не нашел его и переночевал в какой-то бетонной трубе. Ведь не забывается такое. Вообще-то потом я нашел Усманова и провел у него дня два-три.

Никаких дел в Москве я не имел, никаких планов у меня не было. Просто приехал посмотреть на Москву. Был в музеях, ходил в кино, в театр. Кажется, в кинотеатре «Центральный» смотрел картину «Кубанские казаки». Уже второй год в Москве действовало метро. Оно носило тогда имя Л.М.Кагановича. Кроме своих земляков Харисова и Усманова, знакомых у меня в Москве не было.

Из Москвы, где-то в июне 1937 года, выехал в Ташкент. Очень уж хотелось побывать в Средней Азии. Ехал я поездом по маршруту Рязань—Рузаевка—Сызрань—Куйбышев—Оренбург—Актюбинск—Кзыл-Орда.

В Ташкенте жил дней 15 в районе театра им.Хамзы, недалеко от большого парка. Познакомился с молодой семьей, теперь не помню ни их фамилии, ни адреса. Очень жаль, что я их потерял, а ведь они меня приютили, хотя с ними я совершенно не был знаком.

Раза два ходил в район старого города и бродил по его узким улицам. В центре города ходили трамваи. Запомнил улицу Инженерную в европейской части города. Был в Наркомпросе Узбекистана, где мне предложили ехать работать по своей специальности в Кара-Калпакскую АССР, в город Турткуль или в Нукус. Но что-то помешало мне выехать в низовья Аму-дарьи. Оформив документы, в последний момент я изменил свое решение. Хотел было вести часы в институте усовершенствования учителей, но что-то не получилось. Через некоторое время я по железной дороге выехал в Коканд. Был у меня какой-то адрес, где я и остановился.

В Коканд я поехал просто так, посмотреть Ферганскую долину, города Узбекистана. Какого-либо желанья устроиться там работать я не имел, поэтому ни в какие организации не заходил. Ходил по городу, бывал на базаре, в кино. Пожил я там больше недели. Наступил август. Надо было думать об устройстве на работу, о дальнейшей жизни. Решил я поехать домой в Башкирию.

Жизнь и работа в Дёме

В середине августа 1937 года вернулся в родные края. Путешествовал я около трех месяцев. Из Средней Азии ехал железной дорогой с пересадкой в Кинеле. Дня на три-четыре заехал домой в Сумарово к родителям. Сошел с поезда на станции Раевка и километров 50 еще ехал на лошади.

Дома было все в порядке, все были живы и здоровы. Но приехал я без каких-либо подарков, ибо весь истратился за летние месяцы, пока был в Москве и Средней Азии. Конечно, это было плохо. Родители виду не подали, но я-то знал, что получилось не так хорошо.

В конце августа я был уже в Уфе. Числа 8—10 сентября в коридоре Наркомпроса случайно встретил Сергея Яковлевича Шпак, директора 48-й железнодорожной школы на станции Дёма Куйбышевской железной дороги. Он меня знал хорошо, поскольку окончил учительский институт почти вместе со мной. Ему как раз нужен был преподаватель истории и он предложил мне работу у себя в школе. Я согласился ехать в Дёму.

Так я стал работать в поселке станции Дёма. Устроился на частной квартире, что была рядом со станцией. У хозяйки была дочь Таня, училась в 8-м классе, где я был классным руководителем. Потом она, говорят, окончила физмат БГПИ и, наверное, и сейчас преподает математику где-то в школе.

Жили мы вместе с Поляковым Валентином Ивановичем. Он вел химию и был прислан из Куйбышева директором школы вместо С.Я.Шпак.

В семье С.Я.Шпак и его жены Капитолины Филипповны я бывал часто. У них была маленькая дочь Людмила, брат Сергея Яковлевича Александр, которого осенью 1938 года призвали в армию, во флот, в Севастополь. Потом, после войны, я узнал, что он погиб, защищая Севастополь.

Часто бывал в семье Пакало. Он вел географию, а жена — русский язык. Они уже были очень пожилые. Едва ли они сейчас живы, когда прошло уже целых 35 лет с того времени. Был у них племянник Жерехов, жил и работал в Уфе. Ныне он кандидат наук, преподает математику в БГУ. Я его и сейчас знаю хорошо. Несколько раз приезжал он к нам в Октябрьский для консультации заочников и по вопросам приема.

Запомнились географ Алексей Максимович и его жена, литератор Анна Петровна. Это были очень обаятельные люди. Где-то весной 1938 года скоропостижно скончалась Анна Петровна. Мы ее хоронили всей школой. Это была большая утрата, все очень тяжело пережили ее смерть. Были ли у них дети, не помню. После войны мне рассказывали, что Алексей Максимович уезжал в Воронеж, затем снова вернулся, построил дом, завел семью, и потом, все распродав, вновь уехал из Дёмы.

Был математик Михаил Захарович Карманов, его жена преподавала в начальных классах. Это был очень строгий учитель, не любил кому-либо давать поблажки. Он после войны, кажется, учительствовал где-то в Шафраново.

Хорошо помню Тамару Спиридоновну. Это была молодая и жизнерадостная учительница. Прошло столько лет, а как будто все это было вчера.

Закончился 1937/38 учебный год. Я получил отпуск и выехал в Закавказье, в Грузию. Ехал через Москву, а оттуда через Харьков—Ростов—Баку приехал в Тбилиси. Хорошо запомнил реку Куру, быструю и мутную, непохожую на наши российские, башкирские реки.

Из Тифлиса я поехал в город Гори, на родину И.В.Сталина, был в доме-музее, где он родился в семье сапожника Виссариона Григорьевича Джугашвили и провел свои детские годы, обучаясь в местном духовном училище. Домик этот, его убранство, простая и скромная обстановка произвели на меня огромное впечатление. Недалеко от этого домика виднеются развалины средневекового замка на высокой горе.

Из Гори я выехал в столицу Аджарии, в город Батуми, на берег Черного моря. Был я в Батуми около одной недели. Во второй половине августа тем же путем вернулся домой в Башкирию на станцию Дёма. Около недели еще был дома, у родителей в Альшеевском районе, в деревне Сумарово.

Начался новый 1938/39 учебный год. Мой класс теперь стал 9-м «В». Они потом, без меня, в 1940 довоенном году окончат среднюю школу, будучи первым выпуском в 48-й школе.

В моем классе учился Костянюк Михаил. Он был на войне, кажется, также и в плену. Окончил институт, стал инженером, работал в последние годы на станции Дёма в депо. Одним из лучших учеников был Василий Назаров. Он не вернулся с войны, погиб на фронте. В моем классе училась также Ольга Пастушенко. Это была довольно интересная, здоровенная дивчина. Она с родителями вернулась из Харбина после событий на КВЖД в 1937 году. Училась также Вера Синенко. Она впоследствии окончила БГПИ, аспирантуру, стала кандидатом филологических наук и стала преподавателем в БГУ*.

2. В РЯДАХ КРАСНОЙ АРМИИ

Призыв на действительную военную службу

Дата моего рождения — 16 октября 1915 года. Но документы мои о рождении оформлены как 14 января 1916 года. Поэтому на действительную военную службу в Красную Армию меня призвали позже, чем сверстников. 10 декабря 1938 года я был призван в Красную Армию. Исполнилось мне тогда уже 23 года. Значит, в армию пошел служить на два года позже своих сверстников. Тогда призывали в 21 год.

В Уфе скомплектовали команду и отправили нас в Сибирь, в город Омск. Там стояли сильные холода. Я одет был легко: в демисезонном пальто, в полуботинках, в шляпе. Помню, сразу обморозил уши и обвязал голову полотенцем. В трамвае люди смеялись надо мной. Вообще выглядел я, наверное, очень смешным.

Попали мы в военный городок, в школу одногодичников при артполку. Нас, уфимцев, было десять человек: Терегулов Хусаин, окончивший Московский институт геодезии, Сюндюков Зуфар окончил Ленинградский горный институт, Сюндюков Исхак окончил географический факультет БГПИ им. К.А. Тимирязева, Кудашев Искандер — выпускник физмата БГПИ, Кабиров окончил Казанский юридический институт, Ахмеров, Килин, Шестаков имели дипломы физмата БГПИ.

*Курсанты школы одногодичников при артполку в городе Омске.
Третий слева в 1-м ряду — А.З. Шакуров. 1939 год.*

* Синенко Вера Сергеевна (1923—2007) — известный литературовед, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки БАССР.

Всех нас зачислили в одну группу. С нами вместе были ребята из Харькова и Свердловска. Все они тоже имели высшее образование, окончили институты еще до призыва в армию.

Жили в казармах. Из нас готовили артиллерийских офицеров. Где-то в феврале 1939 года я съездил в Москву, в Военно-юридическую академию, куда был зачислен заочником. На обратном пути заехал к родителям в Сумарово, остановился в поселке станции Дёма на один день. Но с заочной учебой у меня ничего не получилось. Это была пустая затея. Призвания к этой специальности я не имел. Это просто было одно чудачество, если не больше. Моя заочная учеба этой поездкой и закончилась. Правда, после поездки газета «Омская правда» поместила статью о том, что я службу в армии сочетаю с учебой. Но, тем не менее, доверие я не оправдал.

Учеба давалась нелегко. Ведь я историк по образованию, а многое по математике успел позабыть или, может быть, вовсе не знал. А нас готовили по программе артучилища, где основными предметами были науки, тесно связанные с математикой.

Мне помогали, поддерживали, как говорится, тянули за уши. Век буду благодарен командиру отделения Вилкову Виктору за его большую помощь в учебе.

Хорошим моим другом был Терегулов Х.И. Он всегда был доброжелателен. Я всегда чувствовал его уважительное отношение ко мне. Это было очень важно. Давало силу духа, как говорят, морально поддерживало. Спасибо судьбе, что на моем жизненном пути были такие люди, как Вилков и Терегулов. В целом почти о всех моих товарищах по учебе у меня остались теплые воспоминания.

Еще одно событие осталось в памяти. В день 21-й годовщины Красной Армии, 23 февраля 1939 года, приняли военную присягу. Мы дали клятву верности Родине, своему долгу. Летом 1939 года выехали в лагерь. Учебу проходили в полевых условиях.

К осени вернулись в военный городок. Учеба наша подошла к концу. Всем нам присвоили звание младших лейтенантов.

Служба в 543-м арtpолку

Осенью 1939 года в Омске, в военном городке, сформировался 543-й КАП — корпусной артиллерийский полк. Это были новые формирования, возникшие по приказу нового наркома обороны, маршала Тимошенко. Многих из нас направили в это подразделение. На вооружение этого полка поступили 152-миллиметровые гаубицы-пушки с раздвижными станинами и дульными тормозами.

Командиром полка был прислан из Москвы полковник Одинцов Георгий Федотович, работавший до этого заведующим кафедрой Артакадемии. Я у него служил один год и остались самые теплые воспоминания о нем. Это был высокообразованный и культурный офицер. Забегая вперед, хочу сказать, что у Одинцова Г.Ф. была счастливая судьба. В годы войны он был командующим артиллерией Ленинградского фронта. В конце войны у меня произошла очень интересная с ним встреча. Но об этом потом. Войну он закончил генерал-полковником артиллерии, а затем стал маршалом артиллерии и долгие годы был начальником артиллерийской академии в Москве.

Эти строки я пишу летом 1972 года, в июне месяце. Всего три месяца тому назад в «Красной Звезде» я с большим огорчением читал некролог о его смерти. Жаль, что больше с ним не пришлось встретиться. Но память о нем осталась на всю жизнь, я всегда старался быть похожим на него, брал пример и при тех

или иных обстоятельствах задавал себе вопрос, как бы на это смотрел Георгий Федотович Одинцов.

Меня избрали ответсекретарем ВЛКСМ полка. На этой должности я работал в течение одного года.

Осенью 1939 года, как известно, Красная Армия вела бои с японскими самураями на Халхин-Голе, в степях Монголии. Нас стали готовить для отправки на Халхин-Гол. Где-то в сентябре-октябре мы выехали на боевые стрельбы в район Славгорода, в Алтайский край. Мы там были дней 8—10. Ехали туда и обратно по железной дороге. Остались в памяти пески, песчаные бури, безлюдье, бесконечная степь. События на Халхин-Голе закончились без нас. Нас не послали в Монголию.

Наступил 1940 год. Где-то в январе я поехал делегатом на I Всесибирскую комсомольскую конференцию СибВО (Сибирский военный округ). Запомнился новый, очень красивый Новосибирский вокзал. На конференции мы слушали доклад начальника Политуправления округа армейского комиссара 1-го ранга тов. Абрамова: «О задачах комсомола округа в укреплении оборонной мощи страны в свете решений XVIII съезда ВКП(б)».

Летом 1940 года мы вновь выехали в лагерь. Они находились где-то на берегу Иртыша. Очень впечатляющими были вечерние проверки в масштабе полка, всего соединения на берегу Иртыша с музыкой, с торжественным маршем.

В августе 1940 года я получил отпуск и поехал в Уфу. Моя невеста Ася закончила институт, химико-биологический факультет, и ждала меня. Жила она в общежитии рядом с институтом, по улице Зенцова. Мы поженились, расписались в ЗАГСе по улице Сталина (прежнее название — Егора Сазонова), теперь это улица Коммунистическая. Было это 17 августа.

В эти дни все время с нами находился Хусаин Кунакбаев, окончивший литфак. Он известный башкирский поэт, автор поэмы «Хатима». Погиб в Отечественной войне. Он был моим замечательным другом. Хусаин — один из образованных и культурных людей своего времени. Характер у него был очень спокойный. Внешность — очень интересная, он был красив, строен. Мы втроем с Асей ходили на танцы в сад им.Луначарского.

Побыв в Уфе дня 3—4, мы с Асей поехали к моим родителям в Сумарово. Ехали поездом до станции Раевка. Переночевали в двухэтажной гостинице в Альшеево. На лошади, на тарантасе повез нас домой Гумер-агай Гадельшин, председатель нашего колхоза «Чатка». Наше село находится километрах в 50 от Раевки в сторону Стерлитамака.

Нас дома приняли очень хорошо. Соблюдая обычаи и традиции народа, сыграли свадьбу. Ася Хусаинова стала моей женой. Через неделю мы с Асей поехали в г.Стерлитамак, к ее родителям. Там тоже справили свадьбу.

После окончания моего отпуска с женой поехали к месту моей службы в Сибирь, г.Омск. Квартиру нам не дали. Устроились жить на частной квартире у одного железнодорожника около станции. Проработав год ответсекретарем бюро ВЛКСМ артполка, после отчетно-выборного собрания я перешел на строевую службу.

Одно событие лета 1940 года хочется воскресить в памяти. Мы были на полевых занятиях за Омском. В один из дней, в июле, мы обратили внимание на гул самолета в небе. Летел он не так высоко. Мы успели прочесть на нем надпись «Родина». Как узнали потом, это, оказывается, летела домой, в Москву, Марина Раскова после своего исторического перелета на Дальний Восток.

Служба в городе Горьком

В октябре 1940 года нас, группу молодых командиров, перевели из СибВО в МВО (Московский военный округ). Такому переводу мы очень обрадовались.

Собрав свое небольшое хозяйство, поездом выехали в Москву. В столице, в Главном артиллерийском управлении, дали назначение в город Горький. Там мы обосновались в артгородке, что находился на Арзамасском шоссе, на берегу Оки. От центра города было недалеко. Площадь 1 Мая, а там начиналась улица Свердлова. Наш полк был на конной тяге, конюшни находились километрах в 3-х от артгородка на Мызе. На пути находилось огромное здание из красного кирпича — это тюрьма.

В первое время жили в казарме. Нам с Асей выделили классную комнату. Спустя некоторое время дали комнату в доме для командиров рядом с артгородком. Квартира была с печным отоплением. Дрова заготавливали сами. Помню, как в артгородке выкалывали чурки, торцы-деревяшки для топки.

Служба потекла своим ходом. Я был командиром взвода разведки в батарее. Любили мы гарцевать на конях по улицам Горького, особенно по улице Свердлова вниз, к Нижегородскому кремлю.

Запомнился парад в день праздника 1 Мая. Он состоялся в Канавино, что находится в районе бывшей Нижегородской ярмарки через Окский мост. В Горьком понравился театр оперы и балета, где удалось посмотреть несколько спектаклей. Хорош и драмтеатр.

Как-то зимой на стадионе проходили конькобежные соревнования. Мы с Асей присутствовали на них. Запомнились москвичка Зоя Холщевникова, горьковчанин Летчфорд, латыш Берзиньш.

Числа 10 мая 1941 года мы выехали в Гороховецкие лагеря, которые находятся в 70 км к западу от Горького. Устроились в деревянном домике. Нам с Асей дали комнатку, она была в положении.

Числа 25 мая я отвез ее в роддом в городок, расположенный на берегу Клязьмы в Ивановской области. 30 мая 1941 года, за 20 дней до начала войны, Ася родила дочь. 8 июня я на легковой машине привез их домой. Дочь я держал всю дорогу на коленях. Дали ей имя Земфира. Сейчас, когда пишу эти строки, ей уже 31 год. Она уже девятый год работает врачом. Внучке нашей Элине идет второй год.

В воскресенье 22 июня 1941 года я дежурил по штабу в арtpолку. Намечались какие-то соревнования. Начальник штаба полка майор Каналькин дал инструктаж по дежурству. На площадке перед штабом радио передает музыку. Все настроены по-праздничному. Но в 12 часов дня радиостанция имени Коминтерна из Москвы передала, что будет важное Правительственное сообщение. Выступил В.М.Молотов — нарком иностранных дел СССР. Он в своем выступлении сообщил о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну.

Теперь все изменилось. Все перевернулось на 180 градусов. В 2 часа дня был получен приказ: сняться с лагерей и своим ходом переехать в Горький. Так началась война, которая продолжалась целых 4 года, и в которой я был почти с первого до последнего дня.

3. ПО ДОРОГАМ ФРОНТОВЫМ Год 1941 — первые месяцы войны

22 июня 1941 года наш артполк 76-миллиметровых пушек снялся с Гороховецких лагерей и, совершив 70-километровый марш-переход, перебрался в город Горький на формирование.

Полк наш был на конной тяге. Выехали часов в 5 вечера и часам к 10 вечера мы уже были в Горьком. Ехали по шоссе Москва—Горький. В центр города не поехали и к себе в артгородок тоже не вернулись. Повезли нас в Сормово. Расположились во Дворце культуры Сормовского судостроительного завода.

С 23 июня началось формирование нашего полка по штатам военного времени. Получили пополнение, обмундирование, вооружение. Стали мы обучать новобранцев. В мой взвод прибыли призывники, набранные где-то в Западной Белоруссии. Они и по-русски плохо говорили. Надежды на них было мало. Обучаться военному делу особого желания не имели. Когда начались военные действия, сразу же после первого окружения они покинули полк и ушли к себе домой в Западную Белоруссию, уже оккупированную фашистами.

Формирование продолжалось всего одну неделю. 30 июня 1941 года в составе стрелковой дивизии выехали на фронт. Погрузили нас в железнодорожные эшелоны. Ехали на Запад, в сторону Москвы по маршруту Дзержинск—Гороховец—Вязники—Ковров—Владимир—Орехово-Зуево—Электросталь. Двигались очень медленно и совершенно не знали, на какой фронт нас везут.

3 июля 1941 года мы стояли на окружной железной дороге в Москве. Этот день запомнился хорошо: было тепло и солнечно. Сходили купаться в какое-то маленькое озеро. Это было примерно в районе Останкино.

Днем радио передало выступление Председателя Госкомитета обороны И.В.Сталина. Все из истории хорошо знают это выступление. Само обращение было необычным: «Дорогие братья и сестры! Над нашей Родиной нависла смертельная угроза. Война идет не на жизнь, а на смерть. Смерть немецким оккупантам!» Он говорил спокойно, каждое его слово запало в душу. На всю жизнь запомнилась речь товарища Сталина.

К вечеру 3 июля наш эшелон двинулся на юг в сторону Тулы. Немного уже начали ориентироваться, поняли, что нас везут куда-то на юг, юго-запад. Из газет и радио мы знали о тяжелых оборонительных боях в Белоруссии, на Украине. Наша армия отступала.

Из Тулы нас повернули строго на запад. Проехали Козельск, Сухиничи, Рославль, Кричев, Чаусы. Где-то километрах в 40 от Днепра, от Могилева, в районе станции Пропойск мы стали выгружаться. Это уже было числа 15 июля. И сразу попали под бомбежку. Фашистские самолеты с черными крестами бомбили наши составы. Летали они так низко, что видно было летчиков. наших зенитных орудий и самолетов не было. Кое-как выгрузились и двинулись маршем для занятия боевого порядка. Вошли в лес и вышли к берегу какой-то реки. Заняли наблюдательные пункты. За рекой километрах в 2—3-х от нас по шоссе в бинокль мы увидели большую колонну немцев длиною больше 1 км. Это были орудия, автомашины. Мы по ним открыли огонь. Немцы тоже раз-

вернулись в боевой порядок и начали вести огонь. Так для нас началась война. Это был Юго-Западный фронт.

Вскоре мы попали в окружение. Это значит, что немцы ушли далеко на восток, а мы оказались на оккупированной территории. Из окружения стали выходить небольшими группами. Помню, около 20 дней скрывались в деревне Мальяновка. Однажды на лошади с одной хозяйкой и ее 14-летним сыном Володей ездили в Чериков, что на реке Сож, будто бы за брошенной горожанами мебелью, а на самом деле узнать обстановку, ибо за рекой Сож Красная Армия вела еще оборонительные бои. Под сиденьем у меня лежал пистолет. На обратном пути в деревню фашистский патруль остановил нас, чтобы проверить документы. Хорошо, что не проверили сиденье, а ведь они могли обнаружить пистолет. Тогда бы пришел конец.

Из окружения я вышел вместе с лейтенантом-танкистом. Он был из Рязани, и звали его Володей. Ночью переплыли Сож, вошли в лес и вышли к своим. Мы были в крестьянской одежде. Это было на Могилевщине.

После выхода из окружения я попал в 430-й КАП — корпусной артиллерийский полк. С этим полком мы отступали весь август. Вот через какие города мы уходили на Восток: Костюковичи — Сураж — Почел-Унеча — Клинцы — Новозыбков — Стародуб — Новгород-Северский. Это были города Брянщины. Здесь мы по длинному деревянному мосту переправились через Десну. Это была уже Черниговщина, немного стояли на берегу реки, в лесу. Потом оставили Середину-Буду в Сумской области.

Шел уже сентябрь месяц 1941 года. Мы вели бои на Брянщине. Из района Новля мы шли на Запад, переправились вновь через Десну в районе города Трубчевска. Вели бои в районах Почел и Погар. Там мы угощались знаменитыми погарскими сигарами.

3 октября немцы заняли Орел. Мы вновь оказались в окружении. На этот раз в 200—300 километрах от линии фронта. Да, немцы тогда здорово устраивали котлы. Дней 10 мы отступали с техникой, матчастью. Потом всю технику оставили. На этот раз мы выходили из окружения в форме, без переодевания, с оружием. Я даже надел генеральскую шинель. Преподнес мне его командир орудия Кушнир. Я только убрал звездочки генерал-майора. В этой шинели я проходил всю войну, а после ее окончания сменил на шинель из английского сукна.

Запомнился день 10 октября 1941 г.: целую неделю мы отступали, шли на Восток с техникой, орудиями, матчастью. Стояли, вернее, остановились в лесу. Ночь провел в кабине трактора. Ночью при выходе из окружения, без фар, под дождем, мы переправлялись через дамбу-плотину. Один наш трактор со 152-миллиметровым орудием ушел вниз под откос. Оставив орудия и трактора, мы группами пошли на Восток, к линии фронта на соединение с нашими частями. Шли в основном ночью, а днем отсиживались в оврагах, кустарниках, в лесу.

Был у меня однополчанин — лейтенант Кудряшов, окончивший Ленинградское артиллерийское училище незадолго до войны. Он стал меня агитировать, кажется, это было после второго окружения, не выходить из окружения, а идти по тылам врага на север, в Калининскую область. Там у него имелись родственники, можно отсидеться до конца войны. А ведь ушел он туда, интересно, дожил ли он до конца войны, жив ли сейчас?

К сожалению, уже в первых же боях, еще в июле, до первого окружения, погиб мой друг и товарищ Мельников Борис, с которым вместе проходили службу еще в Омске.

Итак, мы выходили из окружения. Шел октябрь 1941 года. Прошли мимо Новли, Дмитров-Орловского. Шоссеиную дорогу Москва—Харьков перешли в районе Фатеж, что находится между Орлом—Курском. Здесь и пересекли условную линию фронта. А железную дорогу перешли в районе станции Поньри. Там полыхали пожары. Далее прошли через Малоархангельск и вышли в Ливны, что находится в Орловской области.

В Ливнах посадили в поезд и повезли на формирование. Нам попался мягкий вагон и мы в одежде и обуви навалились спать на мягких сиденьях. Ехали через Хомутово—Елец—Липецк—Грязи—Мичуринск—Тамбов.

В Тамбове нас высадили. Несколько дней я жил в гостинице недалеко от вокзала. Запомнилась там длинная улица, кажется, Интернациональная, протяженностью 2—3 км в центре города, а также санитарный эшелон, скомплектованный в Саратове, который шел на линию фронта.

Формирование проходили на станции Рада, в лесу километрах в 40 от Тамбова, недалеко от Котовска. Нам вновь дали 152-миллиметровые гаубицы-пушки, новые трактора ЧТЗ-80, прибыло пополнение. Два месяца готовились к выезду на фронт.

Командиром полка был подполковник Кравец. Произошла история с шинелью. Он хотел отобрать его для себя, но я не отдал. Из-за этого даже три дня отсидел на гауптвахте. Командиром батареи был назначен старший лейтенант Александр Гречухин. Он — астраханский рыбак. Очень справедливый и замечательный командир. Зам. командира по политчасти был прислан Александр Пархомчук. Он с Украины.

Шел декабрь 1941 года. Перед выездом на фронт мы узнали о контрнаступлении наших войск под Москвой. Это очень хорошо на нас подействовало, подняло моральный дух.

Числа 10—11 декабря мы выехали своим ходом на фронт. Дня через 3—4 проехали ночью через город Елец. Запомнилось множество церквей этого города. От Ельца километрах в 50—60 проходила уже линия фронта. Проехали Новосиль, что находится на реке Зума.

Бои шли севернее Мценска, города, находящегося километрах в 50 севернее Орла. Здесь мы развернулись в боевой порядок, вступили в бои и сражения, которые продолжались в течение всего 1942 года.

Год 1942 — второй год войны

Весь 1942 год воевали севернее Орла. Это был Брянский фронт. Входили мы в 3-ю армию, штаб которой находился в Черни. Всю зиму колесили вдоль фронта по Оке на линии севернее Мценска-Болкова, южнее Белева. В основном оседлали шоссе Москва—Харьков. Запомнилось полностью разрушенное село Большая Каменка на этом шоссе. Иногда, бывало, идешь по шоссе, оно мертвое, никакого движения, асфальт, заросший местами травой. В километрах 2—3 — линия фронта. Такое же запустение и на железнодорожной линии. На нашем участке фронта все же было спокойно.

Немного активизировался фронт, когда в начале июля немцы пошли в наступление на Воронеж.

На фронте мы обосновались крепко, по-домашнему. Обшили свои блиндажи и землянки. Редко меняли боевые порядки, огневые позиции. Я был старшим на батарее, командиром огневого взвода.

Командирами орудия у меня были сержанты Давид Лехвешвили, грузин по национальности, и Николай Беликов из Пензенской области. Запомнил я хорошо наводчика Беззубова, замкового Михайлова. Был замечательный мой друг — артмеханик дивизиона Антонов. Одной из батарей командовал Абрамсон. Начальником комсвязи был Котин из Пензенской области.

Запомнились летние месяцы 1942 г. Мы в обороне. Линия фронта стабилизировалась. Зацвели цветы на полях, поют птицы, вроде и нет войны.

Как-то лейтенанту Данилевскому приехала жена из Москвы, чтобы навестить его. Все мы очень завидовали ему. В конце осени 1942 года меня выдвинули командиром батареи. Однажды на НП приехал командующий артиллерией 3-й армией генерал-лейтенант Барсуков. Накануне мы сменили огневые позиции и не успели сделать топопривязку. Он мне показывает цель и дает команду открыть огонь. Снаряд лег далеко от цели, но скорректировать огонь не успел, и генерал дал мне нагоняя по все правилам.

В конце 1942 года я получил приказ ехать на учебу в Высшую артшколу, что находилась в городе Семенове Горьковской области. Отлично мы встретили новый 1943 год — в землянке, среди своих товарищей по батарее. Это был и мой прощальный вечер.

На следующий день утром с вещмешком на плече, попрощавшись с боевыми друзьями, пешком отправился в штаб артиллерии 3-й армии. Меня принял полковник Минеев. Оформив все документы, на лошади, на санях, мы выехали в сторону Тулы. В Плавске сели на поезд и через Тулу—Серпухов выехали в Москву.

В Москве, в Главном артуруправлении, дали направление в город Семенов, на учебу. Он находится километрах в 80—100 в сторону Кирова, недалеко от реки Керженец, впадающей в Волгу.

Год 1943 — третий год войны

Прибыли мы на учебу в Семенов и сразу приступили к занятиям. Я был зачислен в группу командиров дивизионов. Начальником школы был генерал-лейтенант артиллерии Бесчастнов, а начальником курса — полковник Калинин.

Занимались мы много, по 8—10 часов, часто выезжали на полевые занятия. Питание было скудное, его там не хватало. И где-то в феврале я получил посылку с гусем от родителей из Сумарово. Посылка сначала побывала на фронте и по номеру полевой почты доставили в Семенов. Это было здорово! А посылка, посланная Асей в это же время из Стерлитамака, до меня не дошла.

К маю 1943 года занятия у нас закончились. Сдав экзамены, выехали в Москву за назначением. В Главном артуруправлении нас направили в Долгопрудное в офицерский резерв. Это в сторону Дмитрова, к северу от Москвы, кажется, надо было ехать от Савеловского или Павелецкого вокзала.

В резерве находились почти весь май. Иногда ходили на танцы, познакомились с семьей Бахаровых, где иногда бывали вечерами. В конце мая получили назначение в Гороховецкие лагеря, откуда два года тому назад выезжали на фронт.

Здесь формировалось крупное артиллерийское соединение: 21-я артдивизия РГК, которая входила в 8-й арткорпус.

Я попал в 1326-й арtpолк 122-миллиметровых гаубиц 66-й артбригады. Полком командовал подполковник Марков, волжанин из Куйбышева.

Весь июнь шло формирование, пополнение личного состава. В конце июня 1943 года выехали на фронт. На этот раз мы попали на Калининский фронт, в 39-ю армию. Ехали поездом тоже через Москву и высадились за Можайском, Гжатском, в районе Вязьма—Сычевка—Нелидово. Здесь наши войска вели наступательные бои на Смоленском направлении.

Кстати, 8-й арткорпус был направлен в район Курской дуги, где, как известно, в начале июля началась одна из крупнейших битв Великой Отечественной войны.

Наш полк, вся бригада, да и вся наша 21-я артдивизия была на мехтяге. Тягачами у нас были американские автомобили «Студебеккера» и «Шивролеты». Это были замечательные машины, с двумя ведущими осями, с большой проходимостью. Они не знали, что такое бездорожье.

Должность я получил ПНМ-1 — первый замначштаба арtpолка по оперативной части. В 1942 году дали звание старшего лейтенанта, а теперь уже был в чине капитана.

Начштаба полка у нас был майор Овсеенко (Овчинников). Соседней 85-й артбригадой командовал полковник Чапаев А.В. — сын героя гражданской войны В.И. Чапаева.

В течение двух недель шли непрерывные бои за Духовщину. Они прикрывали подступы к Смоленску с севера, как бы являлись его воротами. Немцы оказывали отчаянное сопротивление и ни за что не хотели отдавать Духовщину.

Я даже не помню, кажется, мы тогда так и не смогли взять ее. Одно событие того времени хорошо сохранилось в памяти. В конце июля из газет мы узнали о выходе Италии из войны и высадке англо-американских войск на юге Италии из Северной Африки. Это было очень приятное сообщение, хотя оно еще не означало открытие второго фронта.

Всю осень 1943 года воевали на участке Сафоново—Ярцево—Велиж—Усвяты. В памяти остался город Белый. Через него проходили раза два. Так, с боями и сражениями, без серьезного успеха, мы завершили 1943 год. В декабре 1943 г. наши войска оставили Житомир. Помню, с друзьями, в землянке мы встретили новый 1944 год. Пили за нашу победу, за полный разгром врага. А впереди было еще много боев, много сражений, много потерь.

Год 1944 — четвертый год войны

Зима 1944 года была тяжелой. Нас все время перебрасывали с одного участка фронта на другой. Безуспешные, тяжелые бои вели мы на Витебском направлении в Белоруссии. Всю зиму крутились в районах Демидов—Понизовье—Сураж—Велиш—Усвяты—Езерице—Невель—Городок. Воевать было трудно, наше общее наступление на этом участке фронта успеха не имело. Овладеть Витебском тогда, зимою 1944 года, мы все же не смогли.

Наступило лето 1944 года. Образовались Прибалтийские фронты. Нас передали в 1-й Прибалтийский фронт, которым командовал маршал Баграмян.

Бои вели в районах Пустошка—Идрица—Себеш—Опочка на территории Псковской области.

Помню, как ездил за пополнением в город Великие Луки. Это километрах в 100 от линии фронта. Обратное расстояние шли пешком. Город был сильно разрушен. Весь лежал в развалинах.

В середине лета началась подготовка к большому наступлению. В августе мы перешли в наступление. После 2,5-часовой артподготовки наши войска прорвали немецкую оборону и пошли на Запад.

В районе г.Десны переправились через Западную Двину (Даугаву). Наш путь лежал через Брослав в Зарасай. Это уже была Литва. Далее шли севернее через Паневежис—Биржай—Ионашкис—Бауска. Бауска — это уже Латвия на берегу реки Лиепуле.

Была также Шяуляйская операция. После 3-часового артноступления оборона немцев здесь тоже была прорвана. Мы шли на запад, освобождая литовские города Куршенай—Мельшай—Матейлай—Плупье—Салантай—Кремиса.

В сентябре 1944 года вышли к Мемельской области Германии (ныне это Клайпеда в Литовской ССР на берегу Балтийского моря).

Здесь впервые увидели покинутые крупные немецкие хозяйства. Дома богатые, обставленные хорошей мебелью. Во дворах сотни кур, гусей, уток с прудами для них. Мы как-то вздыхали, говоря, чего им, немцам, не хватало, что пошли захватывать чужие земли.

В октябре—ноябре 1944 года нас повернули на север. Между Тухумсом и Либавой (Клайпеда) была окружена в Курляндии 300-тысячная немецко-фашистская группировка войск. Мы немного крутились в районе Ауце—Мажейкяй—Приекуле. Всю зиму 1945 года наши боевые порядки находились в районе Приекуле. Это километрах в 50 от Балтийского побережья, от города Лиепая.

Год 1945 — конец войны

Воевать в Прибалтике было нелегко. Правда, там не бывает сильных морозов. Но очень много канав. Они сооружены для осушения земель. Передвигаться через них всегда трудно. Надо прокладывать мосты или их разравнивать, чтобы переехать.

Наступила весна 1945 года. Наши войска вели бои уже в Восточной Пруссии, в самой Германии, а мы сидели в болотах Курляндии, «охраняя» окруженную 300-тысячную немецкую группировку. Конечно, передвигались вдоль линии фронта, меняли свои боевые порядки, но крупных сражений не было в эти месяцы.

Служба у меня шла хорошо. Кажется, в середине или осенью 1944 года меня перевели из 1326-й в 1210-й артполк своей же 66-й бригады, которой командовал полковник Илья Ильич Леусенко, родом из города Владимира.

Фамилии многих товарищей уже позабыты. Замечательным моим другом был старший лейтенант Алексей Шарапов, родом из Красноуфимска Свердловской области. Помню, как мы с ним, лежа в землянке, читали книгу о жизни императрицы Екатерины II. Это, кажется, была единственная книга, которую я прочел за все годы войны. Нет, ошибаюсь, летом 1942 года, когда еще воевали под Орлом, в мои руки попала повесть «Ася» И.С.Тургенева.

Встреча братьев в конце войны — в мае 1945 года.

Слева направо: командир орудия сержант Зайнулла Шакуров и первый зам. начальника штаба артиллерийского полка капитан Ахмет Шакуров.

Между прочим, забыл написать: осенью 1941 года вели бои недалеко от Спасско-Лутовинова, родового имения И.С.Тургенева. Оно было тогда почти полностью разрушено. Сейчас из газет я узнаю, что этот музей-заповедник полностью восстановлен и реставрируется. Хочется хоть раз там еще побывать, походить, все посмотреть.

Был в полку мой замечательный друг — командир артдивизиона майор Шулика Николай Яковлевич, родом с Украины. За боевые подвиги он удостоился многих боевых наград. Связи с ним не имею. Жив ли он сейчас?

Были капитан Смирнов из Златоуста, рядовой Габбасов из Абзелиловского района Башкирии, начштаба арtpолка майор Назаров. Все они любили петь песню «Проходят годы». Где ты сейчас, буйная голова Головченко, один из боевых командиров дивизионов?

В конце войны по номеру полевой почты я разыскал своего брата Зайнуллу. Он был сержантом, командиром орудия в арtpолку. Мы с ним сфотографировались на память о встрече. Теперь даже не помню, где это было. Кажется, в Литве. Он тоже прошел всю войну в Действующей армии и остался жив.

Закончилась война. Мы стояли на боевых позициях под Приекуле в Курляндии. Нашу дивизию передислоцировали в Чкмерге, это севернее Каунаса.

Вскоре после окончания войны я написал письмо на имя командующего артиллерией Ленинградского фронта генерал-полковнику артиллерии Одинцову Г.Ф., своему бывшему командиру 543-го арtpолка в Омске.

После окончания войны нас передали Ленинградскому фронту, а штаб его находился в г.Машейкяй. Вскоре через штаб дивизии я получил вызов в Машейкяй. Это было 20 мая 1945 года. Хорошо меня встретил Георгий Федотович. Спрашивал о моей жизни, о том, как воевал, что желаю дальше делать. Вызвал

адъютанта и приказал оформить не полученный мною орден Красной Звезды. Потом вручил мне этот орден, дал 2-месячный отпуск.

Дивизия наша в Чкмерге перебазировалась без меня, а я, подготовив документы, поехал в Ригу. Около недели жил в гостинице недалеко от вокзала, пока оформлялись мои документы. Ходили по Риге, смотрели и изучали его, часто бывали на рынке. Рига почти не пострадала в войну, как была красивой и оживленной, осталась такой же. А рынок такой большой, можно часами ходить, чего там только нет! Помню, из частных рук я купил книгу белоэмигрантского издания про Григория Распутина, но ее потом кто-то у меня стащил.

Дней через 10, в начале июня, выехал в Москву. В пути заболел и меня положили в военный госпиталь недалеко от Сокольников в Москве. Пролежал я там почти до конца июня, выздоровев, в начале июля поехал домой в Башкирию.

Возвращение домой. Встреча с родными

Приехал числа 10 июля 1945 года в Стерлитамак, к Асе, дочери Земфире. Ася жила с родителями в своем доме по улице Худайбердина, почти в центре города, недалеко от реки Стерля. Сестра ее Соня преподавала литературу и жила в Ишимбае. Она с Асей вместе в 1940 г. окончила БГПИ. Другой ее сестре Рае шел 18 год, она, кажется, окончила медучилище, брату Эдуарду было 15, а Рубину — 7 лет. Земфире нашей шел уже 5-й год.

Ася все годы войны преподавала химию в медучилище. Когда началась война, она с грудным ребенком, т.е. с Земфирой, осталась в Горьком. С большим трудом в сентябре 1941 года отправились домой на пароходе через Казань в Уфу.

Немного пожив в Стерлитамаке, мы с Асей и Земфирой поехали к моим родителям в Сумарово. Тогда автобусы не ходили, поехали на грузовике. А мое село находится километрах в 50 на запад от Стерлитамака, на берегу реки Уршак, в 6 км севернее села Уразметово. Дома нас встретили очень хорошо. Были бесконечно рады, что я вернулся с войны живым и здоровым. Мое возвращение было воспринято как большое событие в жизни села.

Многие, если не все, кто ушел на войну из нашей деревни, не вернулись домой. Среди них Губайдулла, Самерхан, Харис, Харрас, Магадей, Хамза, Хасан, Гумер, Лукман Гадельшин и многие другие.

Дома у нас все было в порядке. Хозяйство лежало на плечах матери. Отца не было дома. Он был в трудармии в Свердловске, на УЗТМ. Братья мои Зайнулла и Мидхат были в армии, не вернулись еще после войны. Мидхат 1925 года рождения, на фронт он попал почти в конце войны и находился в то время где-то в Венгрии. Дома были мои братья и сестры: Рифгат — шел ему уже 18-й год, Марьям — 15 лет, Урал — 12 лет, Рашит — 8 лет, Рашида — 3 года.

Все время крутился около меня и не отходил ни на шаг мой двоюродный брат Амирхан, сын Султан-агая Нугуманова, родного брата моего отца. Он не был на войне по состоянию здоровья из-за плохого зрения. Когда мы приехали домой, он как-то поехал в соседнюю деревню Гурьяновку, мордовское село, и всем говорил, что вернулся с фронта его брат не просто майор, а генерал-майор. Ну, как известно, я всего-навсего был капитаном.

Люди за годы войны пострадались, жили плохо, ничего не было у них ни кушать, ни топить. Но духом не падали. На трудодни давно уже в колхозе ничего не получали. Председателем колхоза был Мингаж-агай. Он как-то попросил меня

поехать вместе с ним в Раевку, в районный центр, и мы там для колхозников сумели выпросить, теперь не помню сколько, зерна для хлеба. Привезли все это домой и раздали колхозникам. Как односельчане обрадовались за эту помощь!

В начале августа по радио (из репродуктора) передали сообщение о том, что наши войска перешли в наступление против японских войск на Дальнем Востоке. Горвоенком полковник Огинский мне продлил отпуск на две недели. Из Стерлитамака поездом через Уфу и Челябинск я выехал в Свердловск к отцу в трудармию. На УЗТМ сумел договориться, чтобы отпустили его домой по состоянию здоровья. Поехали мы тоже поездом до Раевки, а там на лошади добрались до Сумарово. Дома очень обрадовались возвращению отца, он всю жизнь благодарил меня за эту помощь.

В начале сентября 1945 года мы с Асей выехали поездом в Ленинград. Ехали через Москву в товарных вагонах, с группой военных. Поехали просто посмотреть этот город. В Ленинграде устроились в гостинице «Октябрьская» недалеко от Московского вокзала. Город произвел на нас огромное впечатление. Он почти не был разрушен и уже шло большое жилищное строительство. Было красиво и оживленно на Невском проспекте. Ходили в театр музкомедии, драмтеатр имени Горького, в театр оперы и балета им. Кирова. Впечатление о Ленинграде осталось большое.

Служба в Прибалтике

В конце сентября я выехал к месту службы в Прибалтику, в город Ригу. В штабе артиллерии ПриБВО дали назначение в г.Лиепая, на берег Балтийского моря. Меня назначили командиром артдивизиона в Укрепрайоне.

Дивизион наш стал формироваться в местечке Гробилия, что километрах в 12 к востоку от Лиепая (Либавы). Начальником штаба дивизиона был направлен москвич Александр Сухов, комиссаром дивизиона — капитан Касьянов. Командирами батареи были назначены старшие лейтенанты Бойцов и Дерягин. Был старшина Томаревский из Кубани. Получили немецкие лошади, как тяговую силу. На вооружение дали 76-миллиметровые пушки. Дивизион находился на окраине Гробани, в лесу. Имели мы и свою санитарную службу во главе с Людмилой Ильиничной Ивановой. Она была из Калининской области.

В декабре 1945 года я поехал за семьей в Стерлитамак. Ася уволилась с работы в медучилище. Мы втроем с дочкой Земфирой поехали к месту моей службы в Прибалтику.

Где-то в феврале 1946 года по железной дороге через Ригу — Таллин — Нарву я съездил в Ленинград. В июле 1946 года нас расформировали. Мы с Асей переехали на лошади в Либаву. Ася не работала, она была в положении. 20 августа 1946 года родилась дочь. Мы ей дали имя Эльфрида, в честь латышской певицы Эльфриды Покуль.

В сентябре 1946 года меня уволили в запас как специалиста народного хозяйства. В начале октября мы, теперь уже нас стало четверо, выехали из Лиепая в Ригу. Там переночевали в гостинице, а потом несколько дней жили у Рамазана Керимова по ул.Кришнан барона. В Наркомпросе Латвии мне дали назначение директором 7-летней школы в город Мадонну.

Так закончилась моя военная служба, продолжавшаяся целых 8 лет — с декабря 1938 по сентябрь 1946 года.